

АРХЕОЛОГИ

**от Синташты
до Дубны**

1987 – 2012

Федор Петров

**Археологи: от Синташты
до Дубны. 1987-2012**

«Регион Медиа»

2013

Петров Ф. Н.

Археологи: от Синташты до Дубны. 1987-2012 / Ф. Н. Петров — «Регион Медиа», 2013

Сборник рассказов «Археологи: от Синташты до Дубны» представляет собой воспоминания об археологических и историко-культурных экспедициях, в которых принимал участие автор в период с 1987 по 2012 год, на территории Зауральской степи, в Монголии, на Алтае и на Верхней Волге. В популярной, эмоционально насыщенной форме автор рассказывает об особенностях жизни и работы научных коллективов археологических экспедиций и лабораторий, об основных типах археологических памятников и особенностях их исследований. Существенное место в книге уделено рассмотрению проблем археологического изучения поселения Аркаим и интерпретации полученных данных.

© Петров Ф. Н., 2013

© Регион Медиа, 2013

Содержание

Четыре почтовые карточки из прошлого	6
Меня потеряли утром	18
Снять и закопать. Когда найдут – убежать	23
Слышу КамАЗ на высоких оборотах	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Федор Петров

Археологи от Синташты

до Дубны. 1987-2012

***ЗНАТЬ ПРОШЛОЕ, СОЗИДАТЬ НАСТОЯЩЕЕ, ДУМАТЬ О
БУДУЩЕМ...***

Печатается по решению президиума Московского областного общественного фонда историко-краеведческих исследований и гуманитарных инициатив «Наследие».

Издание книги осуществлено благодаря финансовому участию М.Э. Вербовецкого, Е.В. Давыдова, А.Р. Данилова, И.Б. Даченкова, А.А. Злоказова, А.М. Кисленко, С.В. Маркова, С.С. Маркова, Л.В. Пантелеевой, М.А. Угаева, Н.С. Татаринцевой.

В книге использованы фотографии Ирины Алаевой, Ирины Алексеевой, Салавата Баязитова, Евгения Бычкова, Евгения Галиуллина, Валерии Гашек, Сергея Гридина, Алексея Данилова, Андрея Злоказова, Александра Кисленко, Елены Курчавой, Сергея Маркова, Николая Петрова, Петра Петрова, Федора Петрова, Елены Поляковой, Леонида Туфленкова, Михаила Угаева, Виталия Федорова.

Четыре почтовые карточки из прошлого

Они лежат сейчас передо мной на столе – удивительно, как они сохранились до сих пор. Больше четверти века назад я написал эти небольшие письма маме – из первой археологической экспедиции, в которую поехал самостоятельно, без родителей. Сколько раз я с тех пор переезжал, менял место своей жизни, перевозил с собой архив и библиотеку – постоянно и пополняя, и утрачивая их части – ведь, как известно, даже три пожара лучше, чем один переезд. А переезжал я за эти четверть века пятнадцать раз, жил в трех городах и одном поселке, в общежитиях, на съемных квартирах, в утепленном вагончике на научной базе – как же они сохранились?

Сейчас уже практически не применяется такой вид почтовых отправлений, как почтовая карточка – даже бумажные письма стали большой редкостью, принадлежностью сугубо официальной переписки. Но в те, теперь уже далекие времена карточки использовались весьма широко. Это открытое письмо, оно отправлялось без конверта – просто небольшой листок плотной бумаги, на одной стороне пишется адрес, а на другой можно написать небольшое послание адресату, и любой, кому карточка попадет в руки, сможет это послание прочитать – впрочем, в советские годы по этому поводу переживали существенно меньше, чем сейчас.

Эти четыре карточки пришли в настоящий день из прошлого. На их лицевой стороне, в левом верхнем углу – герб Советского Союза, в правом – напечатанная типографским способом почтовая марка с указанием стоимости – 4 копейки, и большими буквами СССР. Такой страны больше нет – её убили, и я даже имел глупость радоваться, когда её добивали – и только потом понял, что же было потеряно вместе с ней...

Ниже – написанный детской рукой, еще неустоявшимся почерком, адрес дома, в котором я когда-то жил, и имя моей мамы, Людмилы Федоровны Малюшкиной. Мама умерла в 2006-м, прожив только шестьдесят лет; когда у меня хватает сил и совести молиться – я молюсь за нее...

Еще ниже, в правом нижнем углу карточки – адрес отправителя: «Челябинская область, Брединский район, посёлок Рымник, археологическая экспедиция. Петров Ф.». Это – адрес очень интересного древнего поселения Синташта, существовавшего в Зауральской степи в эпоху бронзы, почти четыре тысячи лет назад.

В 1987 году я участвовал в экспедиции, которая завершала раскопки этого поселения. Теперь Синташты тоже уже нет, поселок погиб еще в древности, потом его остатки частично смыла река, сохранившуюся часть раскопали археологи, а затем всё это место затопило водохранилищем.

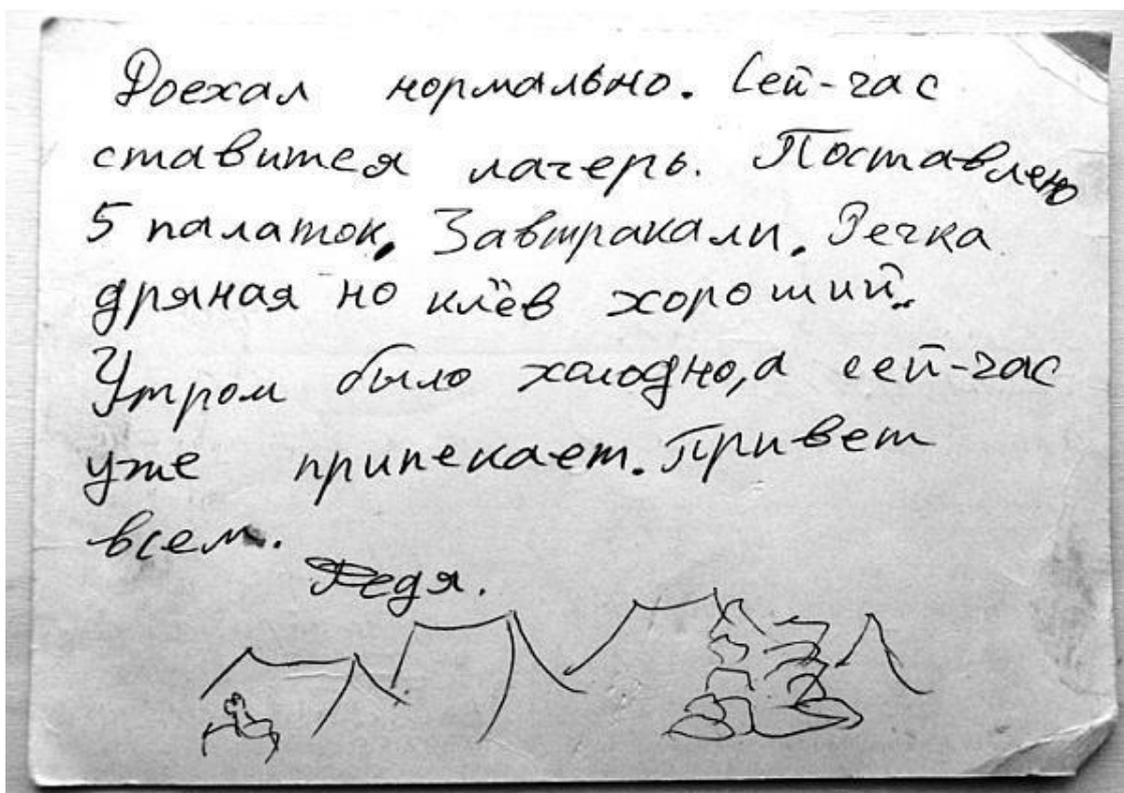
И сейчас я разбираю эти письма из прошлого почти так же, как старинную рукопись. Смысл этих текстов тоже не всегда очевиден и требует комментариев.

Раскопки поселения Синташта

Первая карточка: в самом тексте дата не указана, но на штемпеле Рымникского почтового отделения можно разобрать «16.06.87» – вероятно, написана она была немного раньше, 14 или 15 июня 1987 года. Текст совсем короткий (орфография и пунктуация этих детских писем здесь и далее сохранены без изменений):

«Доехал нормально. Сей-час ставится лагерь. Поставлено 5 палаток. Завтракали. Речка дрянная но клёв хороший. Утром было холодно, а сей-час уже припекает. Привет всем. Федя».

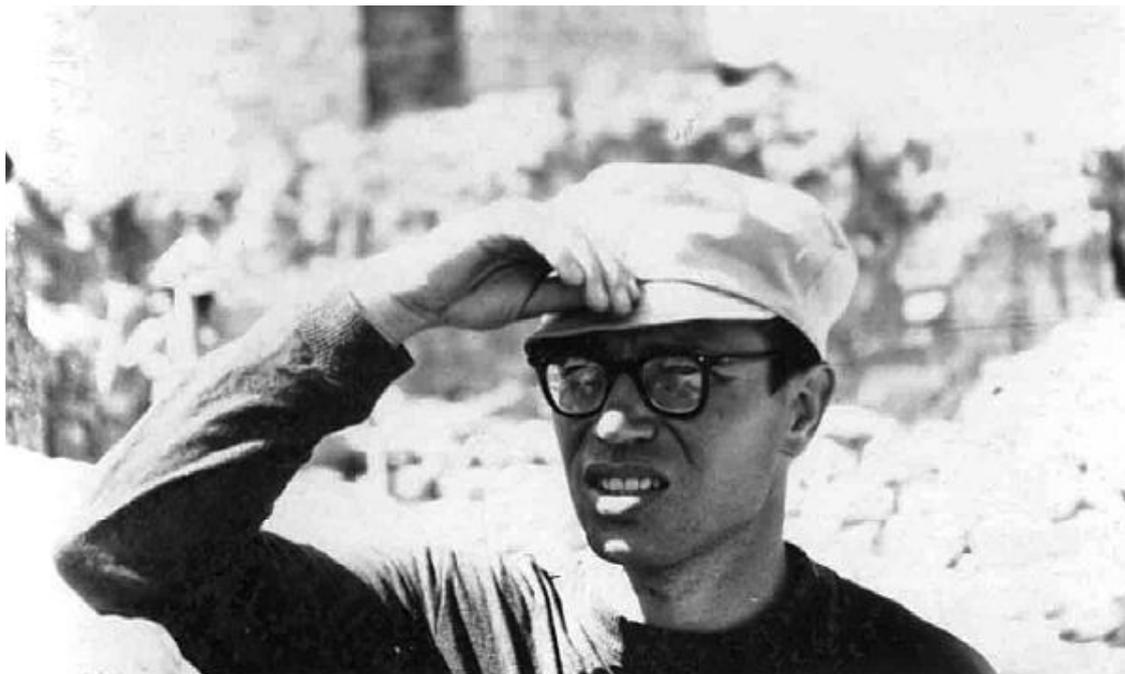

Ниже нарисованы силуэты нескольких палаток и гора еще не разложенных по палаткам матрасов и спальников – между ними.

Июнь 1987 года, археологическая экспедиция Челябинского государственного университета. Как я туда вообще попал в двенадцать лет?

С археологией я оказался связан по факту своего рождения. Мой папа, Николай Саввич Петров, сын советского офицера, погибшего в битве под Москвой в ноябре 1941 года, учился в Суворовском училище в Свердловске, потом поступил в Уральский государственный университет на исторический факультет. Здесь он некоторое время занимался археологией, ездил в экспедиции с известным археологом Владимиром Федоровичем Генингом. Мама, Людмила Федоровна Малюшкина, после окончания школы в Кустанае поступила в Челябинский пединститут и тоже на исторический факультет. Они познакомились в Херсонесе, на раскопках, и вскоре после этого поженились.

Впоследствии и папа, и мама стали вузовскими преподавателями политэкономии, но образование у них обоих историческое. Когда мы с братом подросли, мне исполнилось десять, а ему восемь лет, родители поехали с нами в археологическую экспедицию к одному из своих друзей – Николаю Борисовичу Виноградову. Так в 1985 году я еще совсем ребенком попал на раскопки поселения эпохи бронзы под названием Устье, расположенного в Карталинском районе Челябинской области. Полевая археология совершенно заворожила меня, и в 1986 году я пошел в археологический кружок в челябинском Дворце пионеров, к Надежде Иосифовне Зилизецкой.

Мой отец, Николай Саввич Петров, на раскопках в Херсонесе

Летом 1987 года наш кружок выехал на раскопки с археологической экспедицией Челябинского университета. Ребята разделились: несколько человек отправились в полевой отряд, работавший на стоянке каменного века в устье реки Утяганки – именно этим отрядом в тот сезон и было открыто поселение Аркаим, в этом участвовал один из школьников нашего кружка, Саша Езриль. А другая часть кружка поехала на раскопки поселения Синташта.

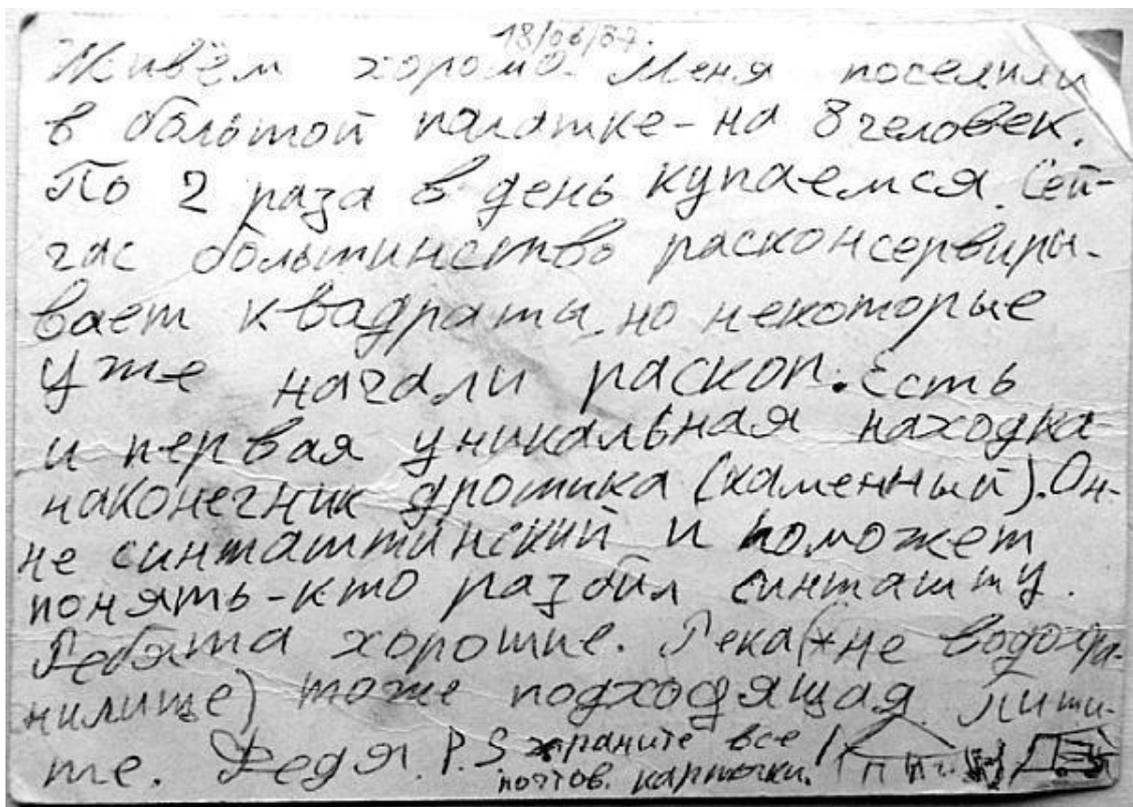
Работы на Синташте велись более десяти лет, здесь было исследовано крупное поселение эпохи бронзы с регулярной архитектурой – поселение того же типа, как и найденный в 1987 году Аркаим, а также крупный могильник, относящийся к этому поселению, в котором было исследовано около сотни погребений, в том числе – с богатейшими жертвоприношени-

ями животных, лошадей и коров, а также погребения с остатками деревянных двухколесных повозок – колесниц, установленных в древности в погребальные камеры.

1987 год, когда мне посчастливилось принять участие в исследованиях Синташты, стал последним годом раскопок этого яркого археологического памятника. Вскоре его затопили волны построенного водохранилища.

Вторая почтовая карточка датирована 18 июня и содержит несколько более длинный текст:

*«Живём хорошо. Меня поселили в большой палатке – на 8 человек. По 2 раза в день купаемся. Сей-час большинство расконсервирует квадраты, но некоторые уже начали раскоп. Есть и первая уникальная находка – наконечник дротика (каменный). Он не синташтинский и поможет понять – кто разбил Синташту. Ребята хорошие. Река (*не водохранилище) тоже подходящая. Пишите! Федя. P.S. Храните все почтов. карточки!»*

Древесный тлен, сохранившийся от колеса повозки, помещенной в погребальную камеру Синташтинского могильника

Раскопки поселения Синташта

В правом нижнем углу почтовой карточки нарисовано что-то вроде большой шатровой палатки – видимо, та самая палатка, в которой мы жили, а правее нее – два человека (?) и УАЗик или грузовая машина (??).

Раскопки на поселениях ведутся квадратными участками, в просторечье «квадратами». На зиму недокопанные участки «консервируют» – присыпают землей, чтобы от осенних дождей и весеннего таянья снегов не обрушились оставленные нетронутыми стенки земли – «бровки» между квадратами, и не были размыты еще неисследованные участки культурного слоя. Расконсервацией таких участков и занимался наш отряд в самом начале работ.

Станислав Аркадьевич Григорьев в ходе археологических исследований в Ираке, с автоматом через плечо. Фотография наших дней

Идея про дротик и про выяснение «кто разбил Синташту», т.е. кто захватил и разрушил это поселение, была услышана мной от кого-то из старших.

Надежда Оттовна Иванова. Фотография 1980-х годов

В тот год на Синташте было целых три руководителя. Нет, формально, с точки зрения авторского права и служебной субординации, руководитель был один – Геннадий Борисович Зданович, и именно ему принадлежали все авторские права на публикацию материалов раскопок. Но реально Геннадий Борисович был занят какими-то другими делами, и за весь тот сезон я его не видел ни разу. Нами руководили два сотрудника университетской лаборатории: Станислав Аркадьевич Григорьев и Надежда Оттовна Иванова – и работавший с ними украинский археолог Андрей Иванович Ганже.

Руководители были очень умные, я восхищался ими, всеми троими. Кроме того, Андрей Иванович носил шикарную броду и великолепно играл в «Царя горы» на мостиках над рекой; Станислав Аркадьевич был не менее бородат и замечательно играл в футбол, а Надежда Оттовна была очень умной и красивой, она заставляла меня умываться и как-то раз даже постирала мои совершенно изгвазданные в раскопочной земле штаны. А еще она собирала листья подорожника, чтобы использовать их в качестве средства то ли от изжоги, то ли от язвы, а я собирал и ел их вместе с ней – в знак солидарности, потому что это было не очень вкусно и мне не хотелось, чтобы Надежда Оттовна была вынуждена делать это в одиночку.

Еще к старшему составу лагеря относился студент Гаяз. Он был очень умный, спокойный и серьезный, и я до сих пор помню, как он объяснял мне разницу между поэтикой Гребенщикова и Высоцкого. А еще помню, как под конец экспедиции я у него спрашивал: «Гаяз, а Гаяз – это имя или фамилия?», и он мне весьма серьезно и обстоятельно на этот вопрос отвечал. Сейчас Гаяз Хамитович Самигулов – ведущий специалист Челябинска по археологии XVIII-XIX веков и по истории колонизации Южного Урала, а его характер остался всё тем же.

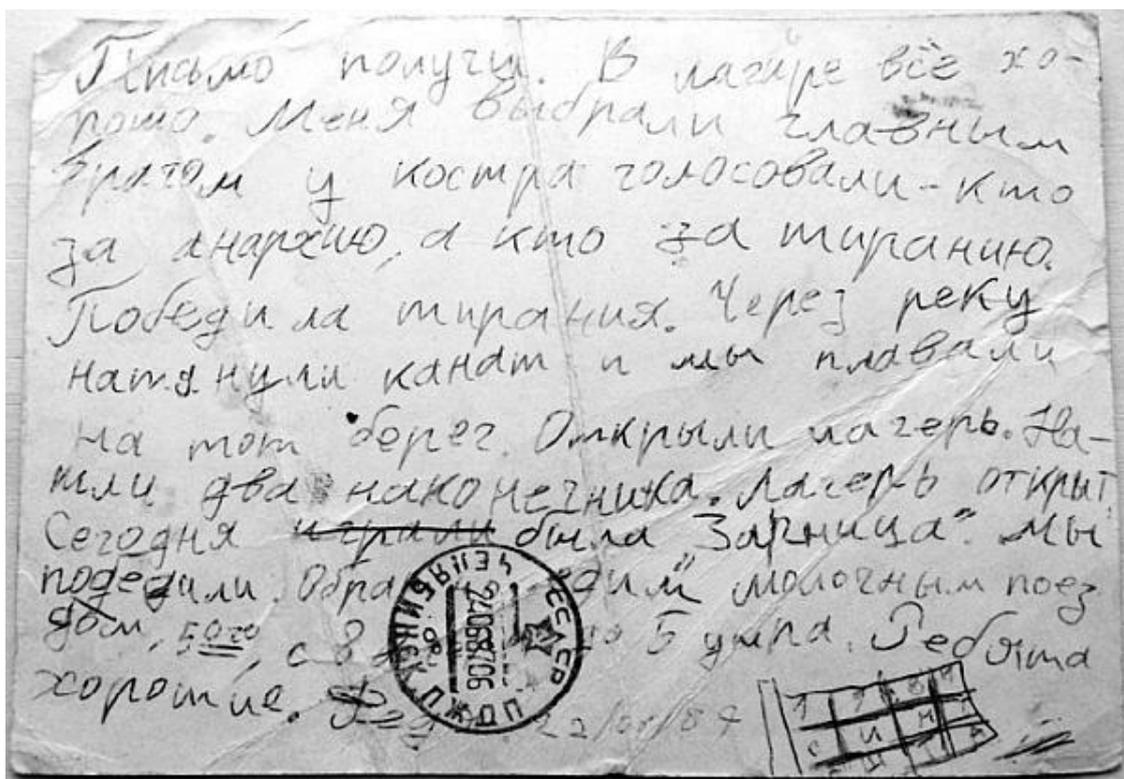

На раскопках. 1987 год

В моем детском восприятии все наши руководители были очень взрослые и серьезные, хотя теперь я понимаю, что они тогда были еще совсем молодые, куда моложе, чем я сейчас.

Третья почтовая карточка датирована 22 июня 1987 года, ее текст:

«Письмо получил. В лагере всё хорошо. Меня выбрали главным врачом у костра голосовали – кто за анархию, а кто за тиранию. Победила тирания. Через реку натянули канат и мы плавали на тот берег. Открыли лагерь. Нашли два наконечника. Лагерь открыт. Сегодня играли была «Зарница». Мы победили. Обрато едим молочным поездом, 5-ого, с 8 вечера до 5 утра. Ребята хорошие. Федя».

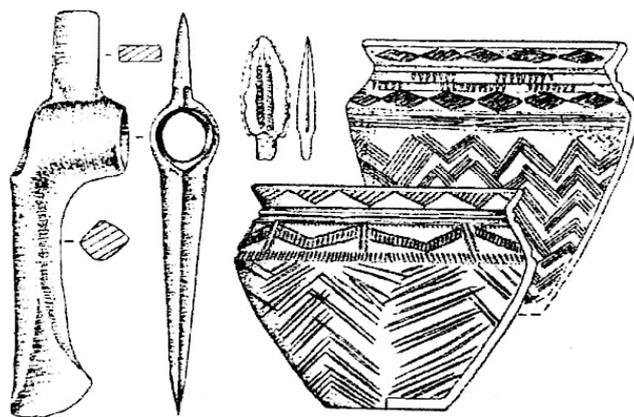

В правом нижнем углу почтовой карточки нарисован флаг, расчерченный на квадратики, в которые вписано «1987 СИНТАШТА». Видимо, этот рисунок связан с поднятием флага, которое символизировало официальное открытие лагеря.

Почему наши начальники решили организовать открытие лагеря больше чем через неделю после заезда отряда – решительно не помню. Зачем меня выбрали «главным врачом» – не помню тоже, видимо, в функции этого «врача» входило следить, чтобы все мыли руки перед едой. Следить за своими товарищами я, вероятно, не стал – во всяком случае, ничего связанного с исполнением данной функции у меня в памяти не сохранилось.

Найденные «наконечники» – вероятно, каменные наконечники стрел бронзового века, интересная и красивая, но довольно рядовая находка.

Выборы «анархии или тирании» у вечернего костра придумал Станислав Аркадьевич. Это был способ укрепления дисциплины среди школьного состава. Конечно, учитывая мощнейшую харизму всех наших руководителей, школьники дружно проголосовали за «тиранию».

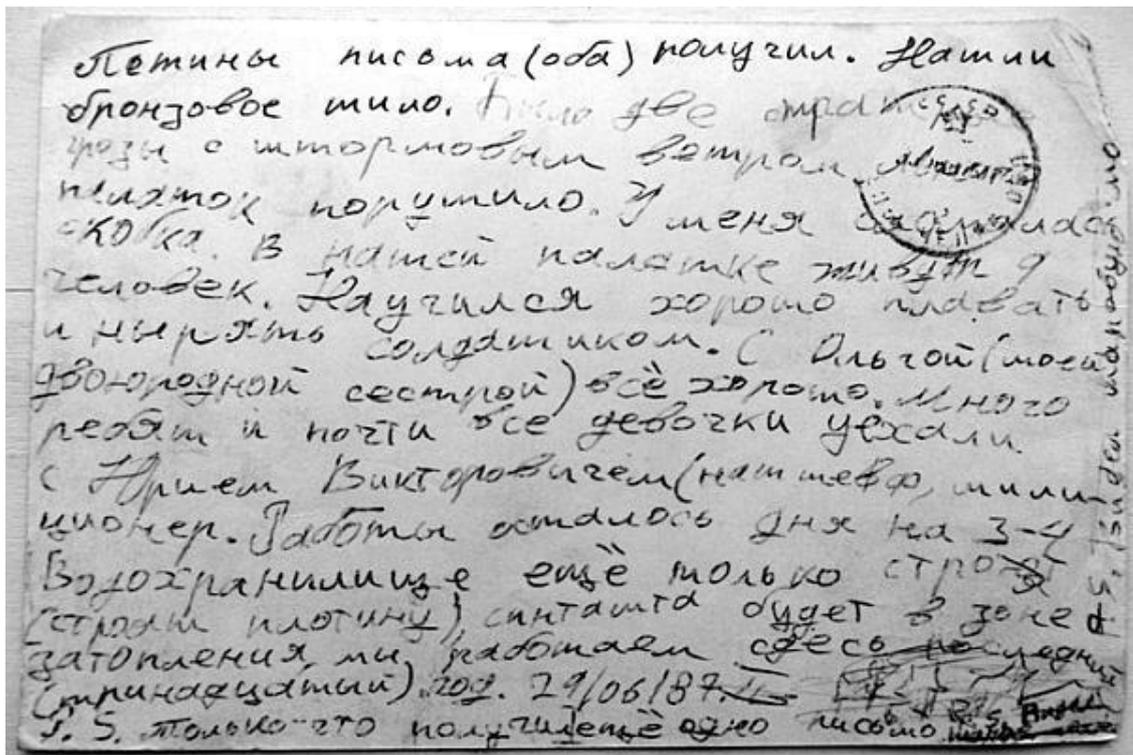
Керамические сосуды, бронзовый топор и наконечник стрелы из Синташтинского могильника (Зданович Г.Б., Батанина И.М., 2007, рис. 2)

«Зарница» была замечательная, все разделились на две команды, на руки каждому участнику было повязано две повязки, если с тебя сорвали одну повязку – ты ранен, если обе – убит и выбываешь из игры. Задачей обеих команд был захват вражеского флага, силы сторон расположились перед боем на разных берегах реки. Пока мы отражали на крутом глинистом обрыве переправу противника, рвавшего всеми своими силами в атаку через водную преграду, один наш диверсант переплыл через реку в стороне от основных событий, тайком, по камышам и кустам, пробрался к флагу противника, захватил его в одиночку и с триумфом вернулся к нам.

Молочный поезд, на котором отряду предстояло ехать обратно – знаменитая «молоканка» Айдырля – Челябинск, поезд, состоявший из нескольких молочных цистерн и двух или трех пассажирских вагонов, от Бредов до Челябинска он ехал девять часов, и мне впоследствии неоднократно приходилось им пользоваться.

Четвертая и последняя почтовая карточка датирована 29 июня 1987 года и имеет самый длинный текст:

«Петины письма (оба) получил. Нашли бронзовое шило. Было две страшные грозы с штормовым ветром. Много палаток порушило. У меня сломалась скобка. В нашей палатке живут 9 человек. Научился хорошо плавать и нырять солдатиком. С Ольгой (моей двоюродной сестрой) всё хорошо. Много ребят и почти все девочки уехали с Юрием Викторовичем (наш шевф, милиционер. Работы осталось дня на 3-4. Водохранилище еще только строят (строят плотину), Синташта будет в зоне затопления, мы работаем здесь последний (тринадцатый) год. P.S. Только-что получил еще одно письмо. P.S. Видел шаровую молнию!»

В правом нижнем углу письма нарисовано, судя по всему, как штормовой ветер валит палатки и гнёт деревья.

Упомянутые лица: Петя – мой брат, ему было тогда десять лет. Письма с пометкой «археологическая экспедиция» прекрасно доходили до нас через деревенский почтамт, раз в два-три дня кто-нибудь из полевого отряда, отправляясь в деревню, заглядывал на почту, отдавал наши письма и забирал те, что пришли для нас. Ольга Новоселова вовсе не приходится мне двоюродной сестрой, это была хитрая конспирация, придуманная моей мамой. Она – дочка хороших друзей моих родителей, нам посоветовали назваться родственниками, чтобы в поле-вом отряде, заметив, что мы много общаемся, не начали нас дразнить. Впрочем, придумка была совершенно излишней. Юрий Викторович Тарасов – офицер милиции, волонтер и постоянный участник многих археологических экспедиций.

Одну грозу из тех двух, о которых упоминается в этом письме, я хорошо помню. Очень быстро собрались тучи, начал усиливаться ветер. По лагерю крикнули, чтобы все держали палатки – и я сильно ухватился за брезент большой хозяйственной палатки-склада, прижимая его к одному из деревянных кольев каркаса. В этот момент налетел бешеный порыв ветра, палатку, которую я держал, мгновенно надуло, и я почувствовал, как вместе с брезентом и каркасом взлетаю над землей.

В реке всё еще купался кто-то из студентов. Почувствовав шквальный порыв ветра, он в несколько взмахов доплыл до берега, выскочил из реки – и тут с оглушительным треском рядом ударила молния, кажется, она попала прямо в воду. Через пару секунд с изоляторов линии электропередач, проходившей над рекой, сорвался небольшой огненный мячик. Он пролетел по дуге и тоже упал в реку, возникло ли что-то в месте его падения – я не видел. Этот самый мячик и был шаровой молнией. Сразу после этого начался сильнейший ливень.

Степная гроза произвела на меня огромное впечатление. Это было переживание чего-то могучего и прекрасного, в саму грозу могло быть страшно и тяжело, но после нее становилось светло и радостно на душе. Позднее в экспедициях я очень ждал таких гроз, и если их долго не случалось – испытывал большое разочарование.

Степная гроза. Фото Алексея Данилова

Меня потеряли утром

В 1980-е годы по доброй советской традиции каждое утро полевого археологического лагеря со школьным или студенческим составом начиналось с «линейки». Наш лагерь был смешанным и очень большим: в его составе были школьники из трех археологических кружков, студенты-первокурсники исторического факультета пединститута, несколько старших студентов и руководителей – всего более ста человек.

Полевой лагерь Устье. Утренняя линейка. Старший состав: Николай Михайлович Меньшенин, Николай Борисович Виноградов, Владимир Петрович Костюков

Утром после подъема весь археологический отряд численностью в армейскую роту выстраивался на «плацу», вокруг флага, буквой «П», а в основании этого построения вставляли наш «шеф», начальник экспедиции Николай Борисович, руководители школьных кружков и другие «сахемы» – этим индейским термином традиционно именовался старший состав археологических экспедиций. Руководство сообщало нам какие-нибудь важные новости, давало соответствующие установки, распекало нерадивых или хвалило дисциплинированных и усердных (последнее, естественно, случалось реже). Иногда на этих линейках объявляли о том, что кто-то школьников или студентов совершил поступок, несовместимый с его дальнейшим участием в экспедиции, и изгоняется обратно в город – это было самое страшное наказание. По завершении «линейки» все отправлялись на завтрак, а сразу после него весь отряд, кроме дежурных по кухне, выдвигался на раскоп.

Однако сама линейка начиналась с переключки, точнее, с проверки численности состава. Все школьники, студенты, а затем и руководители выполняли команду «по порядку номеров рассчитайсь», и над утренней степью разносилось разными голосами: «первый, второй, третий, четвертый» и т.д. Итоговую цифру начальник экспедиции сверял со списочным составом. Если выяснялось, что в наличии людей меньше, чем должно быть по списку, устанавливали отсутствующих и посылали несколько человек на их поиски. Как правило, отсутствующие обнару-

живались спящими в палатках, откуда их оперативно извлекали и отправляли на линейку, или задержавшимися по каким-либо утренним делам, за умыванием на мостках над рекой или в наших замечательных туалетах, установленных за высокими насыпными холмиками, оставшимися со времен расположения на месте нашего лагеря пастушеской карды.

Если человека, не вышедшего на линейку, не могли обнаружить на территории лагеря – это было ЧП. Пропавший школьник или студент мог уйти ночью в степь и заблудиться, мог отправиться в одиночестве купаться и утонуть в реке – да мало ли что еще могло произойти с юными, еще не очень разумными созданиями. Руководители археологических кружков и начальник экспедиции несли за нашу жизнь и здоровье моральную и административную ответственность, а за несовершеннолетних отвечали и перед уголовным законодательством, поэтому к поискам пропавшего подходили очень серьезно.

В то утро на «линейке» вместо итогового «сто двадцать шестой» прозвучало «сто двадцать пятый», руководство быстро сообразило, что отсутствует один из школьников археологического кружка Леонида Вячеславовича Туфленкова. Пару человек отправили поискать меня в палатке, они сбегали, заглянули в нее и сообщили, что там никого нет. Проверили другие возможные места – меня нигде не оказалось. Шеф напрягся и объявил тотальный поиск. Вместо того чтобы идти завтракать и выдвигаться на раскоп, разбитые на группы школьники и студенты отправились проверять места купаний, расположенные в стороне от лагеря, урёмные заросли по берегам реки, недалёкий липовый колос – небольшой островок деревьев в степи, и другие окрестности лагеря.

На раскопках с Надеждой Викторовной Егоровой

Я не находился, однако на берегу реки около купальных мостков нашли чье-то полотенце. Возникла идея, что это мое полотенце – и искать меня, соответственно, надо в реке, вернее, можно уже не искать, а просто подождать, «пока сам всплывёт». Идея шефу очень не понравилась, но сразу опровергнуть ее не получалось. Режим дня и рабочий график уже сорвался, отряд, отложив все прочие дела, занимался поисками пропавшего школьника, а если этот школьник и вправду утонул – то вырисовывались совсем печальные перспективы... Шеф, естественно, стал очень грустным, нервным и раздражительным. В этот момент меня и нашли.

Естественно, обо всей этой суете я не знал, поскольку продолжал себе спокойно спать. Вообще и школьники и студенты в экспедициях спят при возможности просто исключительно – однажды, будучи уже заместителем начальника отряда, я в связи с сильно дождливой погодой не стал объявлять подъем, так первые окончательно проснувшиеся ребята начали появляться у кухонного костра только в пять часов вечера, до этого лагерь спал просто мертвецки.

Отчего так происходило, если время от подъема до отбоя составляло полноценных восемь часов? Естественно, оттого, что ни школьники, ни студенты вовсе не рвались сразу после отбоя ложиться спать. Каждый отбой – это была довольно напряженная борьба сахемского состава со всем школьно-студенческим лагерем, борьба, заканчивавшаяся формальной победой сахемов, однако в реальности тихая и незаметная ночная жизнь продолжалась. Когда мы были школьниками, то, бывало, потихоньку убегали в степь и ходили по ночным полевым дорогам многие километры, до какого-нибудь заметного холма или до деревни – и обратно, это было и страшно, и весело. Или устраивались где-нибудь далеко от лагеря, жгли там костер и пели песни. Кого-то влекли романтические прогулки вдвоем – но это уже, чаще, происходило у студентов. Они же, бывало, сопровождали свои ночные путешествия алкогольными возлияниями – у школьников это бывало гораздо реже, во всяком случае, наш кружок был в этом плане абсолютно целомудренным и в школьные годы никто из нас не пил и почти никто не пытался курить.

Мариан Вербовецкий

Итак, я не услышал утреннего гонга, которым «били» подъем, и продолжал спать в своей палатке, а мои друзья, в спешке выбегая из нее утром, так удачно побросали свои спальники и одеяла, что совершенно скрыли меня, замаскировав среди скомканного и кое-как оставленного спального барахла. У заглядывавших в палатку ребят, которых посылал наш шеф, создалось впечатление, что кроме разбросанных спальников в ней никого нет. И я продолжал спокойно спать, пока продолжала набирать обороты поисковая операция, в которой были задействованы все наличные силы нашей экспедиции.

В сколько-нибудь жаркий день в советской брезентовой палатке долго спать после подъема никак не получится: под лучами солнца она быстро превращается в баню, а потом и в душегубку. Однако утро выдалось прохладным, солнце закрывали облака. Поэтому проснулся я только когда один из студентов, случайно заглянувший в нашу палатку, умудрился заметить, что она не пуста, и разбудил меня испуганным голосом. Вероятно, он заранее предвидел те

громы и молнии, которые будет метать наш шеф в результате столь несчастливого начала рабочего дня.

С некоторым страхом я подошёл к Николаю Борисовичу. Он один оставался в лагере, все остальные участники экспедиции искали по степи меня – или, во всяком случае, мои бранные останки. Мне было крайне неудобно из-за того, что, сам того не желая, я спровоцировал такую идиотскую ситуацию. Для детского сознания это было важное открытие: как же можно удивительно сильно «накосячить», вроде бы вообще ничего такого не делая – подумаешь, проспал подъем, все его регулярно просыпают, некоторых деятелей сахемам приходится будить по три-четыре раза... Спал себе, никого не трогал – а тут такое творится.

Подойдя к шефу, я увидел, что от злости он совершенно белый. Шеф вообще всегда ярко демонстрировал эмоциональные реакции. Он ничего мне не сказал: как умный и сильный мужик он умел не заниматься проговариванием самоочевидного, – а только распорядился поскорее вернуть все поисковые группы, побыстрее завтракать и выдвигаться на раскоп.

На раскопках Устья с Николаем Борисовичем Виноградовым

Снять и закопать. Когда найдут – убежать

В этот день на раскопе мы с друзьями решили немного развлечь себя и других. Есть добрая археологическая традиция, особенно усердно соблюдаемая школьниками и студентами: прикапывать иногда в раскоп разные посторонние предметы, с тем чтобы их позднее нашли и приняли поначалу за подлинное свидетельство древности. Правда, мы решили эту традицию несколько усовершенствовать: закопанные нами вещи никто бы никогда не принял за артефакты эпохи бронзы, но вот некоторые сопутствующие обстоятельства...

Раскопки поселения Устье

Итак, потихоньку задержавшись на раскопе после завершения вечерней работы, мы с Витей и Мариком принялись исполнять свой хитрый план. Очередной горизонт в соседнем с нами раскопачном участке – «квадрате» был выбран еще очень «начерно», без зачистки; рельеф поверхности был очень неровным. Мы немного вкопались в одну из ямок этого рельефа (делать это, конечно, было категорически нельзя) и уложили на дно мои кроссовки – рядышком, подошвами кверху. Их мы засыпали выкопанной землей, утрамбовали, а сверху, прямо над ними, из камней, набранных в отвале, соорудили каменную выкладку. Выкладка получилась круглой, довольно аккуратной и очень загадочной: она походила на остатки очага (тем более, и пошедшие на нее камни были, главным образом, печными камнями, с убедительными следами температур) – однако была существенно ровнее и аккуратнее, чем все очаги, раскопанные к настоящему времени на поселении. В то же время каким-то откровенно чужеродным анахронизмом выкладка в раскопе не выглядела. Полюбовавшись на нее, мы засыпали все камни грунтом из отвала, плотно утрамбовали его, сверху поводили лопатами и припорошили пылью – так, что совершённое нами вмешательство в культурный слой сделалось незаметным, и очень довольные собой отправились в лагерь. Наступала темнота, степь отдавала набранный за день жар и пахла полынью и всеми своими цветами сразу. В лагере еще оставался шанс выпросить у дежурных остатки ужина или, если таковых уже нет, хотя бы сладкого чая с хлебом.

Поселение Устье, старший состав: Алексей Азанов, Николай Борисович Виноградов, Ирина Кочи

Наутро мы втроем получили великолепное развлечение. Работая в своем квадрате, мы внимательно и с некоторым замиранием сердца поглядывали на соседний участок. Копавшие там студентки-практикантки начали выравнивание и зачистку горизонта и довольно быстро наткнулись на нашу выкладку. Сперва они умудрились вывернуть лопатами несколько камней, однако довольно быстро опомнились и сообщили о найденном скоплении начальнику «планшета», старшекурснику Дмитрию (а мы уже хотели вмешаться – что, конечно, было несвоевременно и могло нас выдать с головой).

На Дмитрия наша выкладка произвела глубокое впечатление. Отложив в сторону прочие дела, он принялся ее вдумчиво расчищать, а студенток отправил пока на другие участки. Раскопки данного квадрата приостановились. В какой-то момент Дмитрий, похоже, засомневался в аутентичности изучаемого им объекта – однако в этот момент, не раньше и не позже, под его кистью среди камней блеснула зеленая, окисленная, древняя бронза. О, это была находка!

Для степных поселений эпохи бронзы, одно из которых мы здесь изучали, сама по себе бронза являлась весьма редкой и хорошей находкой. Обнаружившему бронзовый предмет школьнику или студенту полагался специальный приз – так называемый «слон», представлявший собой банку сгущенного молока и вручавшийся руководителем экспедиции в торжественной обстановке на утренней линейке. Сгущенка являлась в то время довольно редким лакомством, получивший ее находчик бронзового предмета, как правило, устраивал пир вместе со своими товарищами по палатке. Школьники и студенты жили по три-пять человек в одной палатке, сахемы и старшие студенты-волонтеры – по одному или по двое, руководитель экспедиции всегда жил один.

Конечно, Дмитрию, как старшекурснику и руководителю планшета, «слон» не полагался, да и не тянул найденный им небольшой фрагмент металла на какой-либо приз. Но сама по себе находка была очень приятной, довольно редкой – и, конечно, всякие сомнения в подлинности каменной выкладки у молодого сахема пропали. Мы же с друзьями недоумевали: откуда

этот кусочек бронзы мог попасть в сложенную нами конструкцию? Вероятно, он был случайно пропущен в ходе раскопок, попал в отвал, а затем, незамеченный нами, переместился обратно в раскоп, в каменную выкладку – вместе с грунтом из отвала, которым мы ее присыпали.

Закончились утренние часы работы, наступил обеденный перерыв. После обеда Дмитрий продолжил бережную расчистку и тщательную зарисовку нашей выкладки. Выборка участка, на котором она была расположена, естественно, прекратилась. Все остальные квадраты раскопа уже были опущены на следующий уровень – в них был вскрыт новый горизонтальный слой, «горизонт», мощностью 20 см. Квадрат с выкладкой начал задерживать весь раскоп. Чертежная работа на планшете тоже приостановилась, начальник планшета уже четвертый час подчищал и рисовал каменную выкладку, которая ему очень понравилась. Мы с Витей и Мариком уже не веселились, а серьезно переживали по поводу последствий своей шутки. Получалось так, что мы перестарались, и шутка начала реально задерживать работу на раскопе. Быть саботажниками и мешать раскопу мы не желали, кроме того, хорошо понимали, что чем большие проблемы и задержки произойдут из-за нас – тем более серьезное наказание может нас постигнуть. Быть выгнанными в город категорически не хотелось, а лежавшие под выкладкой мои собственные кроссовки начисто лишали возможности отпереться и изобразить, что мы здесь ни при чем.

Сперва мы надеялись на приход нашего шефа, Николая Борисовича, который, как опытный археолог, обязательно должен был догадаться, что с выкладкой что-то не так. Однако шеф с утра уехал по хозяйственным делам к руководству совхоза и до сих пор не вернулся. Кроме того, по раскопу пошел слух, что назавтра шеф планирует поездку в райцентр.

Мы заволновались не на шутку. Дмитрий тем временем принял решение не разбирать столь понравившуюся ему выкладку, а начать выборку следующего горизонта, оставив ее в целостности и сохранности на специальном земляном столбе – так называемом «попе». Это была катастрофа. Вернувшийся к вечеру следующего дня шеф, обнаружив посреди одного из участков ничем не обоснованного «попа», возникшего в результате нашей шутки, несомненно, сильно и, главное, справедливо рассердится и накажет нас самым серьезным образом. Надо было попробовать избежать этих последствий, а для этого – добиться того, чтобы Дмитрий прямо сейчас приступил к разборке выкладки, не оставляя ее на потом. Однако сказать ему об этом сами мы не могли: нам, школьникам, было еще явно не по статусу подавать советы начальнику планшета. Признаться тоже не хотелось – тогда бы пропала вся соль шутки и весь интерес от затеянного действия.

Мы с Виктором Лысенко держим мои кроссовки после завершения эпопеи

Мы с Витей отнесли очередные носилки с землей на отвал и остановились под ним, чтобы обсудить сложившуюся проблему в стороне от многочисленных лишних ушей на раскопе. Виктор первым нашел выход: надо обратиться за помощью к заместителю руководителя экспедиции, который работал сейчас на одном из планшетов на другом конце раскопа. Михаил Григорьевич был молодым, невероятно накачанным мужиком – помимо археологии он профессионально занимался вольной борьбой. Как многие очень сильные люди, он был всегда ровным и доброжелательным в общении – и мы решились.

Во время очередного десятиминутного перерыва мы быстренько добежали до соседнего раскопа, отозвали в сторонку Михаила Григорьевича и рассказали ему всё. Нельзя сказать, чтобы его очень обрадовало наше несвоевременное чувство юмора – но портить шутку ему тоже не захотелось, и он согласился нам помочь. Придя через несколько минут на наш раскоп, он для вида походил по нему, обратил внимание на расчищенную выкладку и категорически распорядился поскорее разрезать ее пополам, зафиксировать профиль и разобрать, чтобы не мешать дальнейшему вскрытию культурного слоя.

Дмитрий очень огорчился и даже обиделся на Михаила Григорьевича, он очень гордился красиво расчищенной и хорошо зарисованной выкладкой и планировал назавтра показать ее шефу, обрадовав того интересными результатами. Однако, в конечном счете, решил не перечить и принялся медленно и методично разбирать одну половину выкладки.

Дмитрий аккуратно снимал обожженные камни и бросал их в носилки, периодически сметая кистью лишнюю землю и аккуратно собирая ее в совок. Вскоре должны были показаться подошвы зарытых кроссовок. Мы с Мариком и Витей притаились под бровкой своего

участка, напряженно вслушиваясь в происходящее и ожидая развязки. Сахемы, предупрежденные Михаилом Григорьевичем, тоже собрались в соседних квадратах: они потихоньку наблюдали и покуривали, изображая некоторую отрешенность и незаинтересованность.

Дмитрий увлеченно разбирал выкладку и даже негромко комментировал сам себе ход работы. «Так, фрагмент керамики, – доносился до нас его голос. – А это что – челюсть? Хм... Нет, не челюсть... Ах ты черт!» Увлеченные происходящим мы, все трое, высунулись из-за бровки и посмотрели в соседний квадрат. Дмитрий стоял над выкладкой, сжимая в руке вывороченную из-под камней мою кроссовку. Увидев наши сияющие лица, он моментально всё понял и, замахнувшись кроссовкой, бросился на нас. Мы кинулись врассыпную, разбегаясь в разные стороны от раскопа и стремясь скрыться от разгневанного сахема. Однако Дмитрий оказался быстрее: сперва он догнал меня и с размаху огрел кроссовкой по окрестностям «пятой точки», потом помчался за Виктором, вслед за ним перебрался через отвал, продолжил погоню вокруг отвала, настиг и покарал таким же образом, однако на этом выдохся, утратил злость – и третьему нашему товарищу, Марику, наказания уж не досталось. Остальные сахемы, наблюдавшие за этими событиями, громко веселились.

Пожалуй, шутка всё же удалась. О ней рассказывали в экспедиции еще несколько лет и её упоминание даже вошло в одну из экспедиционных песен. Полагаю, сахемы, присутствовавшие при этих событиях, помнят о них до сих пор. В экспедициях частенько подбрасывают что-нибудь в раскоп, однако в кроссовках, засунутых под фальшивую каменную выкладку, была реализована свежая и необычная идея. По-моему, больше никто таких глупостей в наших экспедициях не совершал.

Слышу КамАЗ на высоких оборотах

Когда мы немного подросли, то стали участвовать в так называемых «забросках» лагеря. В ходе такого мероприятия несколько школьников и студентов под руководством кого-нибудь из сахемов выезжали поездом или рейсовым автобусом в окрестности того места, где были намечены археологические раскопки, и пешком добирались до места. Туда же приезжала арендованная экспедицией грузовая машина, которая привозила полевое оборудование: лопаты, рейки и носилки; палатки, матрасы и спальники; котлы, кастрюли и фляги; а также разные другие предметы. Задачей прибывшей группы было всё это разгрузить и поставить лагерь: оборудовать полевую кухню, соорудить туалеты, построить на берегу реки деревянные мостки для умывания и купания, установить большие палатки – хозяйственную и камеральную (для организации полевой лаборатории), вырыть и укрепить погреб для хранения скоропортящихся продуктов, соорудить из досок столы и скамьи, поставить палатки для основного населения лагеря, изготовить флагшток и стойку для лопат. Все эти работы нужно было выполнить за несколько дней, к определенной дате, когда в полевой лагерь прибывал основной состав экспедиции – студенты и школьники – и начинались раскопки.

Отъезд в экспедицию в кузове грузовика. В.Г. Швеммер, М.Э. Вербовецкий, Л.Ф. Малюшкина, И.Н. Банников

Небольшой забросочной группой, которая должна была поставить лагерь у станции Система, в тот год руководил студент-старшекурсник Ринат. Он выехал в сопровождении очень славной девушки (к сожалению, я уже не помню, как ее звали – пусть будет Таня), которая до этого ни разу не бывала в экспедиции. Поехали они каким-то замысловатым маршрутом и должны были прибыть на место в назначенный день к обеду. В состав группы вошли мы с Мариком и Витей. Вместе с одним из наших старших сахемов, замечательным Владимиром Петровичем, доехали на поезде до города Карталы. Известную присказку про то, что «есть на свете три дыры», в этих местах продолжают словами «Варна, Бреды, Карталы» – что, конечно, соответствует действительности лишь в некоторой степени. Впрочем, мне эти «дыры» всегда чрезвычайно нравились, я и сейчас испытываю по ним – и особенно по Карталам – какую-то

сентиментальную ностальгию и иногда мечтаю, что когда-нибудь смогу приехать туда и просто пожить и поработать в этих самых Карталах, хотя бы два-три года. Едва ли этим инфантильным мечтам суждено сбыться...

Ринат Гимадиев, руководивший заброской лагеря на Систему

Итак, Владимир Петрович остался в Карталах решать организационно-хозяйственные вопросы, а мы втроем сели на самую первую джабыкскую электричку, которая отправлялась около трёх часов утра. Электричка ехала практически пустой. За окном была непроглядная тьма, еще даже не начинало светать. После Анненского мы надели рюкзаки, вышли в тамбур и стояли там, слегка шатаясь от грохота колес и внимательно вглядываясь в ночь: ждали, когда мелькнут огоньки крохотной станции Система, на которой электричка стоит меньше минуты и нужно успеть выпрыгнуть, пока она приоткроет и сразу же вновь схлопнет свои двери.

Станции не было долго. Очень долго. Десять километров – расстояние от Анненского до Системы – давно осталось позади. Никаких огоньков мы не видели, однако стало ясно, что ждать в прокуренном тамбуре больше нечего – станцию мы проехали. Марик отправился в первый вагон, в кабину машинистов – прояснить ситуацию, мы же с Витей вновь сели на холодные и всегда грязные деревянные сидушки, поставив перед собой рюкзаки.

Электричка продолжала мчаться, ночь никак не хотела переплавляться в рассвет. Вернулся Марик. Оказалось, что первая электричка делает остановку на станции Система только по требованию. Нам нужно было заранее сходить в первый вагон и предупредить машинистов. Теперь самым лучшим вариантом было доехать до конечной станции Джабык и переждать прямо в вагоне пару часов, пока эта же электричка не пойдет обратно. Так мы и поступили.

На второй час ожидания в Джабыке (ночная тьма упорно не хотела сдаваться рассвету) в вагон зашел линейный милиционер, делающий контрольный обход электропоезда. Мы лежали на деревянных сидушках, укрывшись извлеченными из рюкзаков спальниками, и пытались дремать. Милиционер на удивление быстро поверил в нашу идиотскую историю и проследовал дальше, категорически велел нам не курить. В то время это было совершенно излишне, никто из нас еще не курил; задымили мы практически одновременно в семнадцать лет, как только окончили школу, а вот бросали в разное время и с разными результатами.

Когда ночь наконец-то уступила тусклому утреннему свету, а холод стал очень ощутимым даже под спальниками, электричка распахнула и вскоре с шумом захлопнула двери – и поехала обратно. Ни один посторонний пассажир в нашем вагоне так и не появился.

Теплым летним утром мы шли вдоль полевой дороги по светлому сосновому лесу. На пути обнаружилась высокая куча опилок. Мы с Мариком прошли мимо, а Виктор зачем-то задержался около нее. «Тут снег!» – закричал он нам. Ага, снег. В июле. Нашёл дураков. Рюкзак был довольно тяжелым, оборачиваться не хотелось. «Бац!» – что-то сильно стукнуло меня по шее, и тут же за воротник побежали холодные струйки. Витя, снайпер, первым же снежком – и прямо в цель.

Да, под толстым слоем опилок на самом деле оказался снег, он лежал себе и не таял. Это было удивительно. Потом мы рассказали об этом феномене нашим руководителям-сахемам, и они устроили в этой куче снега небольшой погреб, в котором хранился экспедиционный запас сливочного масла. Никогда больше не было у нас в экспедициях такого удивительного снежного погреба.

Но вот и обширная поляна на берегу Караталы-Аят. Крохотная речка бежит здесь по неглубокому руслу среди кустов и корней деревьев, а саму поляну почти полностью охватывают перелески Джабык-Карагайского бора – одного из реликтовых сосновых боров, расположенных посреди степи и приуроченных к гранитным выходам и массивам. Здесь, кстати, тоже полно гранита: обломки каменных плит торчат на поляне тут и там, а совсем неглубоко под землей скрывается цельный гранитный массив. Через день мы рыли ямы для экспедиционных туалетов – и проклинали всё, поскольку вместо несложной и привычной работы с лопатой были вынуждены целый день рубить камень ломом и киркой, стирая в кровь ладони и периодически получая по открытым частям тела острыми каменными крошками, отлетавшими при ударах о породу. Впоследствии выяснилось, что с не меньшим упорством люди, жившие здесь три с половиной тысячи лет назад, выдолбили в граните могильные ямы для своих умерших. А ведь у них не было не только стальных ломов, но и вообще никакого железного инструмента – лишь существенно более мягкая бронза, дерево или кость в качестве материала для орудий.

На поляне мы встретились с Ринатом и Таней, они успели добраться до цели немного раньше. Вскоре должен был подойти КамАЗ со всем экспедиционным оборудованием, с машиной ехал наш старший товарищ Максим Грейлих. Сразу после прибытия КамАЗа нас ожидала долгая и довольно тяжелая работа по разгрузке машины и установке лагеря, а пока у нас все равно не было ни оборудования, ни инструментов – мы вместе перекусили остатками захваченной из дома еды, предались радостному ничегонеделанию – и в итоге заснули.

В степи с лопатой

Школьный отряд на Системе, 1989 год. В центре: Сергей Гридин, Евгений Давыдов, Федор Петров и Ольга Гейго

Когда я проснулся, солнце уже начинало клониться к вечеру. Тени от деревьев вытянулись и заползли на поляну, после дневной жары начался легкий озноб, пришлось накинуть штормовку. Кстати, это был удивительно широко распространенный вариант экспедиционной

одежды – брезентовая курточка-штормовка. Она не защищала фактически ни от чего: в жару в ней было жарко, в холод – холодно, в дождь – мокро. За один полевой сезон изначально зеленые штормовки выгорали до ярко-белого цвета, и потом их носили годами и десятилетиями. У этих курточек были просторные карманы для всяких нужных мелочей, и вообще – если они ни от чего толком не спасали, то и совершенно не мешали: были легкими, сворачивались в тугой рулончик или оборачивались вокруг пояса при смене погоды. Поскольку погода в степи меняется часто и стремительно – это было ценное свойство.

Но я отвлекся. На поляне потихоньку вечерело, а от КамАЗа не было ни слуху ни духу. Мы были одни – без палаток, без каких-либо инструментов крупнее ножа, практически без продуктов. Приближалась ночь.

Дрова мы наломали руками и ногами. Стволы, которые не хотели ломаться об колено, укладывали на два камня и потом прыгали на них или бросали по ним тяжёлым камнем. Этот камень иногда весьма неудачно пружинил и отскакивал прямо на ноги, надо было успевать от него отпрыгивать. Развели большой костёр, сложили вместе и доели какие-то остатки домашних запасов – больше еды не было. Становилось всё холоднее, сидели у костра, закутавшись в спальники. Сначала пели песни, разговаривали, шутили – потом всё больше сидели молча, вглядываясь в огненные сполохи и плети, в мерцание углей и затягивающую их патину золы, и вслушивались, вслушивались в степь. Вокруг стрекотали кузнечики, пели цикады, кричали какие-то птицы и косули, кто-то с шумом возился в ветвях деревьев, периодически начиная громко хлопать крыльями, шуршала трава, потревоженная то ли змеёй, то ли ёжиками. Иногда начинало казаться, что во все эти звуки вплетается гул машины. Мы напрягали слух, но звуки мотора терялись, исчезали, сливались с шорохом и шумом степной жизни.

Мы кое-как заснули у костра, надев на себя все свои немногочисленные одежды и поплотнее завернувшись в спальные мешки. Спать было очень неудобно, снизу – сыро и жестко, с одного бока, со стороны костра – очень жарко, с другого – очень холодно. Приходилось постоянно вертеться, пристраиваясь к огню то так, то эдак, подбрасывать в костер наломанные куски небольших деревьев, отпихивать подальше от спальников горящие ветки и стреляющие угольки и вообще следить, чтобы не сгореть от такой жизни. Если в промежутках между всеми этими метаниями кто-то из нас слегка засыпал, то сразу и просыпался от того, что каждые десять-пятнадцать минут наш старший обеспокоенно делал стойку и говорил: «Слышу КамАЗ на высоких оборотах». Ночь. Костёр. Жар огня. Холод степи. Чёртовы кузнечики. Спать. Надо спать. Но тут опять раздаётся: «Слышу КамАЗ на высоких оборотах».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.